

М. В. Воронова, В. Э. Первак

**МУЗЕЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО — СТРОИТЕЛЬСТВО МУЗЕЯ
(ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В 1902–1923 гг.)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена строительству здания Этнографического отдела Русского музея (ныне — Российский этнографический музей), организации его работы в 1902–1923 гг. Основываясь на данных архивных источников, авторы прослеживают этапы создания музея от конкурса проектов до открытия экспозиций, включая организацию работ, выбор подрядчиков и материалов, строительство здания, создание уникальных инженерных систем, приобретение экспозиционно-выставочного оборудования и комплектование коллекций. В статье рассматривается влияние революционных изменений, происходивших в стране, на работу Этнографического отдела Русского музея. Авторы рассказывают об участии сотрудников Этнографического отдела Русского музея А. А. Миллера и К. К. Романова в работе Первой всероссийской конференции по делам музеев и влиянии решений конференции на изменение программы работы Этнографического отдела Русского музея. В статье представлена информация об отчетных выставках музея 1910–1917 гг., истории эвакуации собрания Этнографического отдела из Петрограда в Москву в 1917–1920 гг., первых штатных сотрудниках Этнографического отдела и их работах по созданию экспозиций, а также об изменении идеологического содержания «показательной части» музея в связи с политическими событиями в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Этнографический отдел Русского музея, революционные события, Первая всероссийская конференция по делам музеев, экспозиции музея

УДК 069:39

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-39-47

ВОРОНОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА — начальник организационно-информационного отдела, автор и куратор проектов по истории музея, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: pom_dir@ethnomuseum.ru

ПЕРВАК ВИКТОРИЯ ЭДУАРДОВНА — главный специалист по режиму хранения и экспонирования музейных предметов, автор и куратор проектов по истории музея, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: victoriapervak@mail.ru

Музеи участвуют в историко-культурном процессе, сообразуясь не только с концепциями и задачами научных дисциплин, но и с общественными запросами конкретной исторической эпохи (Ивановская 2017: 393). И первые десятилетия жизни Этнографического отдела Русского музея (ныне — Российский этнографический музей) — пример того, как создавался и работал музей в эпоху глобальных социальных перемен.

История создания Российского этнографического музея началась 13 апреля 1895 г. с именного Указа императора Николая II об учреждении «Русского музея императора Александра III». В первом отечественном национальном музее предполагалось устроить четыре отдела: Художественный — в Михайловском дворце, Этнографический, Памятный в честь императора Александра III и Художественно-промышленный, которые должны были быть размещены в новых зданиях, построенных на месте служебных флигелей дворца.

В том же году был проведен анонимный конкурс на лучший проект по преобразованию и приспособлению жилых интерьеров великокняжеского Михайловского дворца, выкупленного в государственную казну, под нужды музея. Проект-победитель архитектора Василия Свиньина лег в основу перестройки дворца, а быстрая и успешная его реализация в сочетании с экономией государственных средств снискали молодому и амбициозному архитектору расположение заказчика — царской фамилии, позволившее ему получить право на строительство музейного комплекса для Этнографического и особого Памятного отделов Русского музея.

Новому проекту требовалось решить непростую задачу, а именно: здание для размещения музейных коллекций должно было быть удобным, функциональным и соответствовать сложившемуся архитектурному ансамблю Михайловской площади и Михайловского дворца. В то же время оно должно было стать выдающимся монументальным сооружением для размещения «подобающей важному ее значению части, посвященной памяти о жизни и Царственных трудах Родителя Нашего», как было указано в именном Высочайшем Указе императора Николая II (Коренцвит 2000: Прил. 2, Б, № 1). Такая триединая задача и определила стратегию будущего строительства, его архитектуру и художественное убранство.

Финансирование нового проекта началось 10 (23 по новому стилю) января 1902 г. Тогда же было утверждено штатное расписание будущего этнографического музея и его структура.

Чуть раньше, в 1900 г., в целях контроля за распределением финансов, сроками, качеством работ, выбором подрядчиков была создана «Высочайше утвержденная строительная комиссия по устройству отделов, посвященных памяти императора Александра III и Этнографического при Русском музее императора Александра III», а позднее для архитектурного надзора — специальная комиссия императорской Академии художеств.

Уникальное здание возводилось в течение 13 лет, с 1903 по 1915 г., и за свою 115-летнюю историю никогда не меняло своего предназначения — быть хранилищем коллекций первого российского национального музея. Автор проекта и непосредственный руководитель работ архитектор Свиньин считал, что при строительстве должны применяться самые передовые технологии, использоваться исключительно российские материалы, а работы выполняться только российскими фирмами.

Именно такой подход к возведению здания национального музея — максимально полное использование внутренних ресурсов, приносящее существенную экономию как на материалах и транспортировке, так и на производстве всех подготовительных работ, — реализовывался в процессе всего периода строительства.

К примеру, для внутренней отделки здания вместо одного из ценнейших сортов мрамора — каррарского, который использовали для этой цели в Санкт-Петербурге еще со времен Петра I

(им украшены Георгиевский зал Зимнего дворца и Павильонный зал Малого Эрмитажа, облицованы стены Исаакиевского собора), был выбран более доступный по цене и не менее красивый розовый мрамор Белогорского месторождения в Карелии. Из доклада архитектора В. Ф. Свиньина «О постройке Этнографического отдела Музея императора Александра III» на IV Съезде русских зодчих: «Залежи этого мрамора находятся около местечка Белогорья Олонецкой губернии, в 100–120 верстах от Петрозаводска; содержащий их горный кряж... состоит из сплошного мрамора-доломита. Для ломки был избран массив до 20 сажен высоты... Взрывы производились порохом, так как динамит в данном случае оказывается непригодным, разрушая мрамор на куски более мелкие, чем то требуется. Таким образом было добыто и перевезено в Петербург до 200 000 пудов мрамора... Стоимость белогорского мрамора составила 98 копеек за пуд» (Свиньин 1911). По мнению специалистов, белогорский мрамор, помимо удивительно красивого природного рисунка и цвета, «отличается громадным сопротивлением раздавливанию», но, «не отличаясь большой сопротивляемостью атмосферным осадкам, пригоден исключительно для внутренних отделок» (Свиньин 1911). Для обработки привезенного мрамора в Михайловском саду был устроен специальный завод. В целях экономии средств на покупку заводского оборудования некоторые станки были изготовлены в Петербурге на Путиловском заводе по чертежам и схемам, подготовленным архитектором В. Ф. Свиньиным и инженером Н. А. Поповым после знакомства с технологией обработки мрамора в Италии, Франции и Германии (Молоканова 1996: 88–89). Архитектор Свиньин отмечал, что, «не говоря уже о большей точности работы при машинной обработке мрамора, предприятие это, несмотря на затраты по устройству завода, надо считать, дало и некоторую экономию в смысле значительного удешевления и их ускорения» (Свиньин 1909).

Решение использовать местный белогорский мрамор для отделки интерьеров строящегося здания подарило нам возможность любоваться красотой и величием Памятного Мраморного зала, Аванзала и других залов музея, созданных «трудами и богатством недр российских». «Мечты о создании первого музея в России, отвечающего всем требованиям музейной деятельности; это были государственные мечты. И для осуществления их нужен был творческий размах» (Полухина 1999: 13).

Знакомясь с сохранившимися материалами проектирования, журналами заседаний Высочайше утвержденной строительной комиссии, историческими справками, мы видим, что «создание Национального музея, разработка и осуществление функционально сложного и многоцелевого сооружения, которое с этой точки зрения до сих пор вызывает только положительные оценки» (Якимова 1986: 8), требовало реализации многих сторон музейной деятельности. Понимая важность сохранения музейных предметов, архитектор в проекте музейного комплекса выделил Садовый корпус, который «предназначался главным образом под хранилище фондов Этнографического музея» (Коренцвит 2000: 15), а также предусмотрел создание дезинсекционной камеры, оборудованной системой фумигации (изготовленной по заказу музея в 1912 г. в Швеции). В отличие от здания дезинсекционной камеры, Садовый корпус не был построен.

Главное здание музея, выходящее фасадом на Инженерную улицу, имеет строгую симметрию: центральная парадная часть — это Памятный Мраморный зал и Аванзал как его преддверие, из Аванзала направо и налево открываются восточное и западное крылья здания, на двух этажах которых расположены по 12 залов и по одной галерее. Планировка музейных пространств была тщательно продумана, она проста и удобна как для размещения экспонатов, так и для их осмотра, говоря современным языком, обладает легкой навигацией. Расположение залов, лестниц и галерей было задумано таким образом, чтобы посетитель имел почти полный круговой обзор окружающего пространства.

Удивительны по уровню продуманности инженерные системы музея, при проектировании которых основным условием было обеспечение комфортного пребывания в новом здании служащих и посетителей музея и сохранности музейных коллекций. Для разработки систем пароводяного отопления и вентиляции (Ф.ГРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295), водоснабжения, водоотведения и электрообеспечения были привлечены ведущие специалисты. К примеру, проект электроснабжения и освещения строящегося здания одобрен заслуженным ординарным профессором Николаевской военно-инженерной академии генерал-лейтенантом Л. В. Свенторжецким — русским военным инженером, крупнейшим специалистом в электротехнической области.

Подрядчиками на строительство и создание убранства музейного комплекса были приглашены положительно зарекомендовавшие себя отечественные фирмы, имевшие достаточный опыт производства подобных работ, в том числе петербургские Металлический завод и слесарно-кузнечный завод «В. В. Палехов с сыновьями» (металлические конструкции потолков и перекрытий), предприятие «А. Моран и К^о» (базы и капители колонн), фирма «Франк и К^о» (остекление наружного фонаря над Мраморным залом), акционерное общество «К. Зигель» (пароводяное отопление и вентиляция), столярная фабрика И. П. Платонова (дубовые двустворчатые двери Аванзала, дубовая вращающаяся дверь/турникет), слесарный завод А. Шульца (бронзовая входная дверь на железном каркасе), московская фирма «И. П. Хлебников, сыновья и К^о» (хрустальный потолок и бронзовая падуга Мраморного зала). Считая исключительно важным применение самых передовых технологий строительства в исполнении российских фирм с использованием только российских материалов, архитектор и члены обеих комиссий отклоняли предложения услуг немецких и итальянских фирм и производителей (Грусман, Воронова, Первак 2015: 79).

В процессе строительства для оценки качества выполнения особо сложных работ приглашались известные петербургские специалисты. Например, объяснительную записку по расчетам устойчивости сооруженных арок, пилонов и купольного свода над вестибюлем подготовил гражданский инженер, преподаватель Академии художеств П. И. Дмитриев (Якимова 1986: 52–53).

Здание Этнографического музея было спроектировано и выполнено в неоклассическом архитектурном стиле. Фасад здания украшен рельефными изображениями гербов Российской империи, Москвы, Санкт-Петербурга, декорирован композициями, в которых использованы мотивы родной природы. Убранство здания подчеркивает предназначение расположенного в нем собрания как музея национального, государственного, этнографического. Вот что писала петербургская пресса начала XX в.: «Здание это специально предназначается для помещения в нем нового этнографического отдела Русского музея. Во внутренней части здания будет установлен бронзовый фриз, изображающий все народности как европейской, так и азиатской России» (Новый этнографический музей 1903).

Таким образом, в 1915 г. было закончено строительство здания музея, завершены работы по отделке интерьеров и оснащению музея оборудованием.

Комплектование коллекций началось уже с 1902 г., а прообразом будущих экспозиций стали отчетные выставки Этнографического отдела, которые проходили в музее с 1910 г. К 1917 г. Этнографический отдел Русского музея был готов к открытию экспозиций или, как тогда говорили, «показательной части» музея. Для выставочных залов в Дрездене у фирмы «Август Кюншерф и сыновья» была приобретена экспозиционная мебель. Открытие музея для широкой публики планировалось в июле 1916 г. Однако трудности, возникшие в связи с вступлением России в Первую мировую войну, отодвинули это событие. Сокращается финансирование и, как следствие, штат служащих. Открытие экспозиций было перенесено на 1917 г., но последующие события в стране не позволили это сделать.

В 1917 г. в Этнографическом отделе Русского музея работал небольшой коллектив штатных сотрудников. С 1910 г. отделом руководил антрополог и этнограф Н. М. Могиланский, хранителями и регистраторами были такие талантливые ученые, как А. А. Миллер, К. К. Романов, Ф. К. Волков, П. Н. Шеффер, А. А. Макаренко. К работе в музее привлекались служащие по найму. Русский музей находился в ведении Министерства Императорского двора, его управляющим и председателем Совета Этнографического отдела был великий князь Георгий Михайлович, а товарищем управляющего — граф Д. И. Толстой.

В марте 1917 г. в Михайловском театре прошло Учредительное собрание Союза деятелей искусств, который в апреле сформировал собственную Комиссию по охране памятников искусства и старины, ее руководителями были назначены хранитель Этнографического отдела Русского музея К. К. Романов и архитектор В. М. Лопатин. Зимой 1917 г. К. К. Романов стал членом Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины и был избран товарищем председателя (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 195. Л. 21 об.). 19 августа того же года состоялось общее собрание служащих Русского музея, где был избран Исполнительный комитет, в состав которого вошли и сотрудники Этнографического отдела А. А. Макаренко и Я. П. Ульрих. Председателем президиума был избран библиотекарь и библиограф Русского музея П. Н. Столпянский (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 1). В музее сложилась ситуация двоевластия, когда, помимо непосредственных распоряжений комиссара над бывшим Министерством Двора (Ф. А. Головина), администрации музея необходимо было ставить в известность Исполнительный комитет и вести с ним переговоры.

Особенной заботой Этнографического отдела Русского музея с первых дней революционных событий стала «организация несения охранной службы, как внутренней, так и наружной». Наружную охрану «несли все служащие без различия должностей», осуществлялись также «внутренние суточные дежурства младших служащих» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 1об.). Ухудшавшаяся ситуация на русско-германском фронте вызывала серьезные опасения за судьбу музеев Петрограда. 28 августа 1917 г. комиссар Временного правительства над бывшим Министерством Двора Ф. А. Головин созвал Особую комиссию, которая наметила к вывозу из Петрограда «ценности, находящиеся во дворцах, Эрмитаже и других хранилищах» бывшего дворцового ведомства (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 2). В Этнографическом отделе Русского музея был разработан план эвакуации. Ответственным за эвакуацию музейных ценностей назначен хранитель А. А. Миллер, за эвакуацию служащих — заведующий отделом Н. М. Могиланский (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 9). 6 октября 1917 г. часть коллекций Русского музея была отправлена в Москву (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 15, 43–59 об.). 8 октября 21 сундук с экспонатами Этнографического отдела был принят председателем Комиссии по приему, охране и заведению дворцовым имуществом в Москве Д. Д. Дувакиным, начальником Московского Дворцового управления кн. Н. Н. Одоевским и хранителем Оружейной палаты В. К. Трутовским (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 20). После октябрьского переворота 1917 г. эвакуация была приостановлена.

Петроградский военно-революционный комитет 25 октября (7 ноября) 1917 г. назначил «29-летнего учителя из Лодзи Бернгарда Давидовича Мандельбаума и 39-летнего художника, многие годы расписывавшего и подновлявшего Петроградские церкви, Григория Степановича Ятманова комиссарами по защите музеев и художественных ценностей Петрограда» (Горелова 1990: 203). Осенью 1917 г. были выделены военизированные части для охраны Эрмитажа и Русского музея, а 27 октября (9 ноября) образована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины во главе с Г. С. Ятмановым. В ее состав вошли архитектор П. П. Покрышкин,

хранитель Русского музея К. К. Романов, академики Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, ученые И. А. Орбели, С. Н. Тройницкий, Н. С. Сычев, П. Н. Нерадовский (Горелова 1990: 204).

Революционные события пагубно сказались на деятельности Этнографического отдела: «Затруднения денежные, недостаток необходимых материалов и прочие условия, создавшиеся после революционной обстановки, повлекли за собой <...> резкое замедление и даже полное прекращение работ в некоторых сторонах деятельности Отдела» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.). Сокращается производительность реставрационной и манекенной мастерских, работы в фотолаборатории. Приостановлено печатание коллекционных описей. Значительных сил требовала подготовка к эвакуации в Москву наиболее ценной части коллекций. Сама же эвакуация, по сути, разрушила практически построенную к тому времени экспозицию Этнографического отдела. До тех пор, пока в ноябре 1920 г. коллекции не вернулись в Петроград, открытие музея для публики было невозможно.

В феврале 1919 г. в Малахитовом зале Зимнего двора состоялась Первая всероссийская конференции по делам музеев, на которой обсуждались и решались вопросы организации музейного дела в стране. В ней приняли участие два хранителя Этнографического отдела: А. А. Миллер и К. К. Романов.

К. К. Романов выступил на заседании Гуманитарно-художественной секции конференции с докладом о необходимости создания церковного музея (Ананьев 2011: 126).

А. А. Миллер участвовал в дискуссии по вопросам управления музеями и общей организации музейного дела и поддержал идею создания единой музейной сети (Закс 1982: 154). Следует отметить, что еще до октября 1917 г. Н. М. Могиланский, К. К. Романов и А. А. Миллер работали над проектами переустройства музейного дела в стране.

Участие в конференции побудило руководство Этнографического отдела инициировать обсуждение программы работы отдела. В апреле 1919 г. А. А. Миллер предложил приступить к «пересмотру основ деятельности Этнографического отдела, а также его организации и в переустройстве выдержать известную целостность и планомерность на основе общегосударственного музейного строительства» (Отчет Русского музея 1923: 35). На заседании Совета Этнографического отдела в июне 1919 г. А. А. Миллер предложил «обсудить и установить точную формулу программы деятельности Этнографического отдела» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32а. Л. 10), а в июле огласил ее на заседании совета. После небольшой дискуссии программа была принята в следующей редакции:

«1. Этнографический отдел есть музей народного быта и искусства народностей и племен России.

2. Деятельность Этнографического отдела распространяется также на все славянские народности, культурно и исторически тесно связанные с русскими племенами.

3. Этнографический отдел может собирать и хранить предметы быта и искусства народностей и не входящих в его программу, но лишь в пределах составления сравнительного материала в целях более полного изучения основных собраний» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32а. Л. 15).

В программе подтверждался профиль музея, определенный в 1901–1903 гг., и подчеркивалась необходимость открытия экспозиций и развертывания работ по популяризации научных знаний среди рабочих и крестьян.

В 1919–1922 гг. коллектив Этнографического отдела, продолжая осуществлять научную и музейную деятельность (экспедиции, регистрация коллекций, подготовка экспозиций), испытывал чрезвычайные трудности, связанные с отсутствием отопления, электро- и водоснабжения. Осенью

1920 г. А. А. Миллер сообщил, что «Г. С. Ятманов обещал в ближайшие дни окончательно выяснить топливный вопрос. Несмотря на принятые меры, все же мало надежды на благоприятное его разрешение, и надо ожидать, что зиме 1920–1921 гг. музей останется без топлива...», и на заседании Совета отдела было принято решение организовать «теплый угол» из шести комнат, в которых следовало работать (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48а. Л. 15, 60).

Несмотря на трудности, в том числе топливный голод, после реэвакуации коллекций из Москвы в ноябре 1920 г. сотрудники Этнографического отдела работали над восстановлением экспозиций, и 3 июня 1923 г. музей был открыт для публики. Предметное содержание экспозиций осталось таким, каким было к концу 1916 г., однако изменилось идеологическое содержание. «Показательную часть» музея дополнили иллюстративным материалом в виде схем, карт, фотографий и т. п. (Герасименко 2002: 337–338). Эти изменения были направлены на обеспечение максимальной доступности восприятия информации и придания ей соответствующей требованиям времени интерпретации. В полном соответствии с решением Всероссийской конференции по делам музеев на экспозициях Этнографического отдела была развернута образовательная деятельность: проводились экскурсии, читались доклады, работал «семинарий» для учителей, действовало консультационно-справочное бюро для одиночных посетителей (Шангина 2001: 35).

В условиях радикально изменившейся политической обстановки были сохранены профиль и направления деятельности музея, определенные в 1901–1903 гг. такими учеными и музейными деятелями России, как Д. А. Клеменц, Н. П. Кондаков, Д. А. Коропчевский, В. И. Ламанский, Н. М. Мартынов, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Пыпин, В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. И. Соболевский, В. В. Стасов, И. И. Толстой, А. Н. Харузин, А. А. Шахматов.

Было сохранено и уникальное музейное здание, которое не потеряло своего первоначального предназначения и по сей день «...поражает посетителей виртуозной композицией внутренних пространств. Парадный же зал, окутывая мерцанием розового мрамора, ровным блеском патинированной бронзы и сиянием хрусталя, принимает все новых и новых гостей, восхищающихся его красотой...» (Полухина 1999: 17).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

Ф.ГРМ — Архив Государственного Русского музея, фонд Государственного Русского музея

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Список Исполнительно комитета Союза служащих Русского музея. 1917 г.

АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Дело об эвакуации в Москву и реэвакуации коллекций музея. 1917–1920 гг.

АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Журналы заседаний Совета Этнографического отдела № 367–369. 1917 г.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Отчет о работе Этнографического отдела за 1917–1921 гг.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32а. Журналы заседаний Совета Этнографического отдела № 386–391. 1919 г.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48а. Журналы заседаний Совета Этнографического отдела № 392–447. 1920–1924 гг.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 195. Личное дело К. К. Романова.

Ф.ГРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295. Чертежи пароводяного отопления и вентиляции в Этнографическом отделе Музея. 1905 г.

Ананьев В. Г. Проект создания церковного музея на Первой всероссийской конференции по делам музеев 1919 г.: к истории взаимоотношений музея и церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. СПб., 2011. С. 126–132.

Герасименко Е. Е. Первая экспозиция Этнографического отдела. 1923–1927 гг. // Музей. Традиции. Этничность: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Российского этнографического музея. СПб.; Кишинев, 2002. С. 336–341.

Горелова С. И. Музейный фонд в первые годы советской власти (1917–1925) // Художественное наследие. Хранение. Исследования. Реставрация. М., 1990. № 13. С. 203–216.

Грусман В. М., Воронова М. В., Первак В. Э. Российский этнографический музей: судьба здания // Зодчий. 21 век. 2015. № 2 (55). С. 78–79.

Закс А. Б. Первая всероссийская конференция по делам музеев. Февраль 1919 года (по материалам отдела письменных источников Государственного исторического музея) // Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея: актуальные вопросы изучения фондов музея по истории советского общества. М., 1982. С. 149–157.

Ивановская Н. И. Этнографический отдел Русского музея в реалиях общественно-политической жизни 1920–1930-х гг. // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России): мат-лы XVI междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2017. С. 393–399.

Коренцвит В. А. Историческая справка по зданию Российского этнографического музея. 2000. С. 1–80 (с приложениями). На правах рукописи // АРЭМ.

Молоканова Р. Желтые листья клена. СПб., 1996.

Новый этнографический музей. Хроника // Зодчий. 1903. № 31. С. 372.

Отчет Русского музея за 1922 г. Пг., 1923.

Полухина А. Н. Мужики-разбойники. СПб., 1999.

Свиньин В. Ф. Русский музей Императора Александра III // Зодчий. 1909. № 41. С. 404.

Свиньин В. Ф. О постройке Этнографического отдела Музея императора Александра III. Доклад на IV Съезде русских зодчих // Зодчий. 1911. № 7. С. 74–75.

Шангина И. И. Российский этнографический музей. Из прошлого музея. 1920-е годы // Российский этнографический музей 1902–2002. СПб., 2001. С. 32–47.

Якимова Н. В. Краткая историческая справка по зданию Этнографического музея. 1986. С. 1–77 (с приложениями). На правах рукописи // АРЭМ.

**MUSEUM BUILDING — THE BUILDING OF A MUSEUM
(FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM
IN 1902–1923)**

A B S T R A C T. The article is devoted to the construction of the building of the Ethnographic Department of the Russian Museum (Russian Ethnographic Museum nowadays) and the organization of its work in 1902–1923. Based on the data from the archival sources the authors trace the stages of the creation of the museum starting from the design competition and up to the opening of exhibitions, including the organization of work, the selection of contractors and materials, the construction of the building, the development of unique utility systems, the acquirement of exhibition equipment and the creation of museum collections. The article discusses the impact of the revolutionary events in Russia on the work of the Ethnographic Department of the Russian Museum. The authors tell about the participation of the museum’s staff A. A. Miller and K. K. Romanov in the First Russian conference in the Museum Studies and the influence of the decisions of this conference on the changes in the program of work of the Ethnographic Department of the Russian Museum. The article presents information on the exhibitions of the museum in 1910–1917, the history of evacuation of the collections of the Ethnographic Department from Petrograd to Moscow in 1917–1920, the first staff of the department and their work on the creation of exhibitions, as well as on the ideological developments of the “demonstrative part” of the museum which were driven by the political events in Russia.

KEYWORDS: Ethnographic department of the Russian Museum, Russian Revolution, First Russian Museum Studies conference, museum exhibition

MARIA V. VORONOVA — the Russian Museum of Ethnography (Russia, St. Petersburg)
E-mail: pom_dir@ethnomuseum.ru

VICTORIA E. PERVAK — the Russian Museum of Ethnography (Russia, St. Petersburg)
E-mail: victoriapervak@mail.ru